

Задачи эмиграціи

1. Эмиграція на перевалѣ

Всматриваясь в процессы, происходящіе сейчас в эмиграціи, ясно видишь, что мы на перевалѣ. Нѣкая, господствовавшая до сих пор форма эмигрантскаго сознания, очевидно, разлагается. Ей на смѣну как будто бы слагается другая. С разложеніем первой связан рост пессимистических настроеній в части эмиграціи. Нарожденію второй сопутствуют подъем и напряженіе творческих сил.

Без яснаго осознанія сущности и смысла этого двуединаго процесса невозможна никакая успѣшная работа в эмиграціи. Постараемся же разобраться во внутренней природѣ того кризиса, который не со вчерашняго дня переживает общественно-политическое сознание русскаго зарубежья.

2. Культурная значительность и политическая немощь русскѣй эмиграціи

Узко-классовый и небывало жестокий характер большевицкой диктатуры выбросил в эмиграцію отнюдь не только старорежимную Россію, но и весь верхній слой русскѣй интеллигенціи. Духовный и культурный уровень эмиграціи очень высок. Не может быть спора о том, что пребываніе эмиграціи в Европѣ оставит по себѣ весьма замѣтный слѣд. Религіозно-философская и научно-ислѣдовательская мысль немногочисленнаго эмигрантскаго народа, равно как и эмигрантское искусство, могут с успѣхом конкурировать с культурными достижениями цѣлаго ряда благополучно здравствующих европейских стран. Лишь в одной сферѣ эмиграція очень много дѣлала, но почти ничего не достигла: в сферѣ своей общественно-политической борьбы за Россію.

К весьма разнохарактерным общественно-политическим за-

дачам, которыя ставили себѣ весьма разныя теченія русской эмиграціи, можно относиться по разному. Подымать сейчас спор о том, кто бы л в свое время прав: интервенціонисты или представители «новой тактики», — неумѣстно. Разрѣшеніе этого, нынѣ уже чисто «академическаго» спора мы можем спокойно предоставить будущим историкам русской революціи. Для нас несравненно важнѣе разрѣшить совѣм иной вопрос: вопрос о том, почему эмиграціи не удалось осуществить ни одной из поставленных ею себѣ общественно политических задач.

Всѣ попытки вооруженной борьбы с большевиками обанкротились. Всѣ мечты по созданію общеэмигрантскаго представительства подъяремной Россіи в Европѣ — разлетѣлись. Вліяніе научных работ эмиграціи по изученію Совѣтской Россіи минимально. Европейцы больше вѣрят большевикам, чѣм нам. Но что самое прискорбное, это то, что старшее поколѣніе эмиграціи не сумѣло завѣщать своего общественно-политическаго credo и своего антибольшевицкаго пафоса своим собственным дѣтям: дѣти или денационализируются, или... большеви-зѣнствуют.

В чем дѣло? Как объяснить это тяжелое поражение эмиграціи как раз на том фронтѣ, на котором побѣда была ей гораздо нужнѣе, чѣм на всѣх остальных, взятых вмѣстѣ. По моему глубокому убѣжденію, причину надо искать в преимущественном господствѣ в эмигрантской средѣ той дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія, которая нынѣ переживает тяжелый кризис.

3. Дореволюціонная форма антибольшевицкаго сознанія¹⁾

Сущность дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія заключается в упрощенном ощущеніи большевизма, как простаго отрицанія подлинной Россіи и подлинной революціи. Отсюда — в право-монархическом лагерѣ — утопическая мечта о дофевральской Россіи (февраль для этого лагеря — только начало октября), а в лѣво-республиканском — о дооктябрьской, февральской свободѣ. Самую разительную форму-

¹⁾ Ю л о г и ч е с к о й безсмысленности этого словосочетанія см. 4-ую главку.

люю этой реакціонной сущности эмигрантскаго антибольшевизма является не раз высказывавшееся — с особою силою в лѣвых кругах — мнѣніе, что большевики не революціонеры, а контр-революціонеры, что большевизм не революція, а контр-революція. Ничего теоретически болѣе ложнаго и практически болѣе бездѣйственнаго выдумать нельзя. Корень этой несостоятельной выдумки очевиден: он заключается в неправильном противопоставленіи «февраля» и «октября».

Конечно, положительная идея революціи связана не с октябрем, а с февралем. Февральскіе лозунги родины, свободы и соціальной справедливости и сейчас составляют краеугольные камни того міросозерцанія, под знаком котораго только и возможна борьба против большевизма. Вѣрность этого положенія должна быть признана неизблемой. Отказ от нея равносителен принципиальному переходу на сторону большевиков. Все это так. И все же из этого никак не слѣдует, что большевики — контр-революція. Не может быть никакого сомнѣнія в том, что исторія, оставившая титул подлинных революціонеров за якобинцами, оставит его и за большевиками. И, конечно, не по прихоти и произволу, а по тому углубленному пониманію діалектики революціи, котораго не хватает дореволюціонному сознанію эмигрантскаго антибольшевизма.

Установленіе правильнаго отношенія к большевизму, а тѣм самым и правильных методов борьбы с ним, требует отчетливаго осознанія того факта, что сущность революцій состоит не в провозглашеніи революціонной идеи, а, как бы это ни звучало страшно, в ея р а з р у ш е н і и . Подлинная революція — всегда страдальческій путь верховной революціонной идеи: — ея предательство, смерть и ея возрожденіе.

Чѣм объясняется неизбѣжность этого пути, и в чем его послѣдній метафизическій и религіозный смысл — не об этом сейчас рѣчь.²⁾ Сейчас, в цѣлях выясненія дореволюціонной формы антибольшевицкаго сознанія, важно только одно: установленіе того факта, что этому сознанію недоступно то діалектическое пониманіе революціи, которое повелительно требует от пореволюціоннаго сознанія такого замысла о но-

²⁾ Мысли эти были мною подробно развиты в статьѣ: «Религіозный смысл революцій». «Современныя Записки» № XL.

вой Россіи, который синтетически сочетал бы в себѣ тезис февраля с антитезисом октября.

Конечно, было время, когда углубленное пониманіе диалектики революціи, ощущеніе большевизма, как глубокой и провиденціальной темы русской судьбы, было и теоретически и нравственно почти что невозможно. Выяснившаяся нынѣ неизбежность окончательной ликвидаціи дореволюціонно-антибольшевицкаго сознанія опредѣленно запрещает нам тѣ заносчиво-несправедливыя сужденія, что, к сожалѣнію, все еще часто срываются с особо пылких пореволюціонных уст. Ни доблестнаго геройства блага движенія, ни великаго подвига демократической борьбы за свободу в совѣтских тюрьмах и застѣнках отрицать никто не имѣет ни малѣйшаго права. Но, отдавая долг прошлому, надо твердо помнить, что прошлое прошло и что рѣшительно нѣтъ никакого другого пути к спасенію его свѣтлой памяти, кромѣ пути мужественнаго отказа от инстинктивнаго стремленія длить его агонію. Люди, имѣвшіе в свое время мужество смотреть в лицо смерти, должны найти в себѣ мужество посмотреть и в лицо правды. Правда же эта гласит, что 1) непримиримые галлиполійцы, упорно не читающіе большевицких книг и газет и не подающіе руки человѣку с совѣтским паспортом, 2) писатели, увѣряющіе, что с большевиками перевелись на Руси курскіе соловьи и русскія дѣвушки, 3) твердокаменные демократы, все еще утверждающіе, что у большевиков никогда ничего не выходит, так как в колхозах жеребцы стоят нечищенными, в школах нѣтъ карандашей и бумаги, и всѣ машины, привозимыя из за-границы, оказываются всегда без каких-то самых важных частей, — что все это уже давно не Россія, а потерявшая всякую связь с живой Россіей эмиграція, которая, «стопроцентно» хороня большевиков, преждевременно хоронит и себя, как силу, способную на творческую борьбу с мировым злом большевизма.

4. Пореволюціонная форма антибольшевицкаго сознанія

Историческая задача все крѣпнущаго в эмиграціи пореволюціоннаго сознанія заключается в ликвидаціи охарактеризо-

ванной выше формы дореволюціоннаго антибольшевизма. Слова «антиреволюціонный антибольшевизм» представляют собою совершенно очевидный логическій абсурд. Если большевики — революція, то антибольшевизм не может быть дореволюціонным. Дореволюціонный антибольшевизм — все равно, что до-большевицкій антибольшевизм. Если я позволяю себѣ очевидно абсурдную (с логической точки зрѣнія) терминологию, то я дѣлаю это исключительно с цѣлью подчеркнуть тот дефектъ эмигрантской психологін, который я считаю помѣхой в дѣлѣ борьбы с большевизмом. Трагическая неудача этой борьбы не в послѣднюю очередь объясняется, конечно, тѣм, что во главѣ борьбы стояли люди внутренне глухіе к сложнѣйшей темѣ большевизма, не чувствовавшіе ея глубокой укорененности в русской душѣ и русской исторіи, ея провиденціальности для наступающихъ судебъ всего человѣчества, ея громаднаго размаха и тончайшаго соблазна. Всѣ эти, по своей природѣ и своей біографіи, консервативные люди не могли, конечно, быть настоящими антибольшевиками. Ибо невозможенъ антибольшевизм, не чувствующій природы большевизма. Всѣмъ политическимъ вождямъ эмигрантскаго антибольшевизма большевизм представлялся всего только страшнымъ пожарищемъ деревянной, избяной Россіи, вызваннымъ злостнымъ поджогомъ компартіи. Образъ этотъ вѣрен, но недостаточен. Большевизмъ не только злостный поджогъ и страшный пожаръ Россіи, онъ еще и вечерняя заря стараго міра и утренняя заря какого-то новаго дня исторіи, быть может, очень жестокаго и безумнаго (какойъ взойдетъ день, зависитъ, между прочимъ, и отъ каждаго изъ насъ). Вотъ этой-то зари — сейчасъ мы это поняли — ни бѣлогвардейскими пулями не разстрѣляешь, ни демократическимъ краснорѣчіемъ не зальешь. Тутъ нужны иныя, творческія силы, которыхъ до сихъ поръ в эмиграціи не было, но которыя, быть может, нынѣ раждаются — силы новаго, пореволюціоннаго сознанія.

В чемъ сущность этого сознанія? В чемъ его главное отличие отъ сознанія дореволюціоннаго? Думаю, что все сказанное выше уже заключаетъ в себѣ, хотя предварительный, но все же достаточно отчетливый отвѣтъ на эти вопросы. Главная разница между пореволюціоннымъ и дореволюціоннымъ сознаніями сво-

дится прежде всего к тому, что для дореволюціоннаго сознанія сущность большевизма в уничтоженіи правды вчерашняго дня, а для пореволюціоннаго — в раскрытіи его лжи. Что для дореволюціоннаго сознанія большевизм — только ложь, а для пореволюціоннаго он не только ложь, но в извѣстном смыслѣ и истина. Разница этих установок опредѣляет и разницу методов борьбы. В своей борьбѣ против большевизма пореволюціонное сознаніе, в отличіе от дореволюціоннаго, опирается не на прошлое, а на будущее, в которое, в качествѣ опредѣляющей его темы и проблематики, входит, по его мнѣнію, и большевизм. Конечно, и пореволюціонное сознаніе стремится прежде всего к спасенію Россіи от большевизма, но спасеніе это возможно, по его глубокому убѣжденію, только в сотрудничествѣ с изживающей сейчас большевизм новой Россіей. Отсюда неизвѣстная дореволюціонному сознанію, страстная заинтересованность всѣм, что происходит в Совѣтской Россіи: ея мыслью, искусством, литературой, бытом и т. д. По остротѣ этой заинтересованности человѣка пореволюціоннаго склада проще всего отличить от типичнаго эмигранта дореволюціоннаго толка. Такому эмигранту — монархисту или демократу, безразлично, — органически претит все происходящее в Совѣтской Россіи и все связанное с нею. Доказательство этому — почти вся эмигрантская публицистика, значительная часть нашей литературной критики и многое другое, во что подробнѣе вдаваться мнѣ сейчас не приходится; касаюсь здѣсь бѣгло этого вопроса лишь затѣм, чтобы отмѣтить характернѣйшую для многих представителей пореволюціоннаго сознанія черту подчас злобнаго отгалкиванія от эмигрантской психологіи признанных вождей и дѣятелей культуртрегерскаго и политическаго зарубежья.

Органическое тяготѣніе къ крѣпко связанной с большевизмом Россіей таит в себѣ явную опасность — ската к, печальной памяти, смѣловѣховству. Как бы в предчувствіи, но и в заклятіе этой опасности всѣ пореволюціонныя теченія неустанно подводили под свои культурно-философскія и общественно-политическія построенія твердый религіозный, религіозно-церковный, религіозно-бытовой фундамент. На ряду с нѣкоторым антибольшевицким просовѣтизм-

мом и отталкиваніем от реакціонной психологій эмиграціи, эта крѣпкая, — подчас, быть может, слишком крѣпкая — религіозность, является третьим отличительным моментом новаго сознанія эмиграціи. Всѣ три момента сливаются в центральной темѣ пореволюціоннаго міросозерцанія, в столь характерном для него романтически-профетическом націонализмѣ. Любовь к давно умершим предкам и еще нерожденным поколѣніям своеобразно сочетается в этом национализмѣ со страстным отрицаніем «промотавшихся отцов». Вѣчная тема Россіи гораздо легче соединяется в представленіи эмигрантских патриотов новой формациі с самыми темными сторонами древней Руси, чѣм с самыми свѣтлыми порывами новѣйшей Россіи. Отсюда опредѣленная склонность к архаизирующему воспріятію русской исторіи и русскаго человѣка.

Что и на этом пути пореволюціонному сознанію грозят страшные срывы, говорить не приходится. К сожалѣнію, в писаніях пореволюціонной молодежи часто проскальзывают ноты, дающія основаніе предполагать, что она скорѣе согласится назвать Сталина, по нѣкоторому сходству с Грозным, православным человѣком, чѣм признать подлинную русскость за мыслителем типа Владиміра Соловьева, всегда защищавшаго в своей публицистикѣ не только христіанскій универсализм, но и демократическое свободолобіе.

В заключеніе необходимо еще подчеркнуть столь характерное для пореволюціоннаго сознанія сочетаніе религіозно-культурнаго консерватизма с социальным радикализмом. Этим сочетаніем объясняется ненависть к либерально-демократическому пониманію свободы. Христіанское положеніе, что освобожденіе возможно только через Истину, соединяется в нем с твердою вѣрою, что осуществленіе истины возможно, в свою очередь, только через насиліе. Так слагается жесточайшее убѣжденіе, что истина возможна только на путях насилія. Убѣжденіе это, представляющее собою как бы квинтэссенцію отрицательных сторон пореволюціоннаго сознанія (его ложь), является одновременно и наиболее глубокою, ибо наиболее лично выстраданною вѣрою нѣкоторой части эмигрантской молодежи.

Говорить подробно о том, как оно слагалось — излишне. Оно и так ясно. Революция, бессилие демократического свободолюбия, успѣх большевицкаго насильничества, лютые ужасы гражданской войны, вольное галлиполійское геройство, быстрая капитуляція свободолюбивыхъ европейскихъ правителей передъ торговыми замыслами свободоненавистнической Москвы, мучительная эмигрантская маята по фабрикамъ, заводамъ, участкамъ и границамъ, словно проволочнымъ загражденіемъ опутаннымъ непреодолимою для русскаго бѣженца сѣтью законовъ, всюду растущая безработица, лишаящая бѣженца насущнаго куска хлѣба, всюду поднимающаяся волна фашистски-націоналистическихъ настроеній, враждебныхъ русскимъ гражданамъ, людямъ безъ родины — все это дѣлаетъ, конечно, весьма понятной ту легкость, съ которою многіе представители пореволюціоннаго сознанія предадутъ истину свободы насильничеству во имя истины.

5. Двѣ формы пореволюціоннаго сознанія

Охарактеризованное мною, весьма сложное и противорѣчивое, пореволюціонное сознаніе не со вчерашняго дня начало слагаться въ зарубежьи. Можно считать, что прошло уже добрыхъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ оно объявило войну дореволюціонному сознанію эмиграціи. За эти десять лѣтъ сдѣлано не много. Справедливость требуетъ отмѣтить, что всѣ цитадели культурной, просвѣтительной и общественно-политической жизни эмиграціи, изначально занятыя представителями дореволюціоннаго сознанія, и понынѣ еще не сдались, хотя вокругъ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже давно вѣетъ творческій духъ пореволюціонности. Причины этой неудачи весьма многообразны и сложны.

Чтобы хотя приблизительно разобраться въ нихъ, необходимо уяснить себѣ, что пореволюціонныя настроенія явились въ эмиграціи въ свое время въ двухъ, рѣзко враждебныхъ другъ другу формахъ. Внутренне правильная форма пореволюціоннаго сознанія была выношена въ Россіи и занесена въ эмиграцію нѣкоторыми высланными изъ Россіи въ 1922 году писателями и публицистами. Въ общемъ и цѣломъ, пореволюціонное настроеніе этихъ высланныхъ было встрѣчено эмиграціей, если можно такъ вы-

разиться, первого призыва — в штыки. Лишь с очень немногими из эмигрантов-первопризывников удалось высланным сразу же найти общий язык. В этой встрече было заложено начало той истинной пореволюционности, которая призвана смѣнить реакціонно-эмигрантскій антибольшевизм.

Зиму 1922 года высланные из Россіи писатели жили в Берлинѣ вмѣстѣ с собиравшимися в С.С.С.Р. «смѣновѣховцами». Между взглядами «смѣновѣховцев» и тѣми взглядами, что нѣкоторые из высланных писателей отстаивали в спорах с защитниками дореволюціоннаго антибольшевизма, было, безусловно, нѣчто общее. Но была и одна, все общее уничтожающая разница: одни были только что изгнаны из Россіи, другіе по своей волѣ возвращались в нее.

Тот факт, что из этих двух форм пореволюціоннаго сознанія, истинная только что зарождалась, ложная же и дживная представляла собою уже довольно отчетливую концепцію лакейски-конъюнктурнаго смѣновѣховства, естественно скомпрометировал перед лицом первопризывной эмиграціи как бы самый нерв пореволюціоннаго протеста против всякой «эмигрантщины». Появилась подозрительная настороженность, предчувствіе и боязнь, что всякая заостренная против реакціонно-эмигрантскаго антибольшевизма пореволюціонность прямым путем ведет к соглашательству и ликвидаторству.

В этих условіях всѣм откровенно пореволюціонным концепціям надо было быть крайне осторожными, надо было не допускать в своих провозглашеніях никаких тактически-сомнительных приѣмов, избѣгать всякой двусмысленности. К сожалѣнію, большинство опредѣленно пореволюціонных группировок, появившихся в эмиграціи послѣ смѣновѣховства, допустили в этом отношеніи много ошибок. За спиною всѣх их, нѣтъ, нѣтъ, да и появлялась тѣнь смѣновѣховства, тяжелою плитою ложившаяся на работу по организаціи пореволюціоннаго сознанія, которая в тиши и исподволь велась нѣкоторыми эмигрантскими органами и группировками. Успѣшнѣе всего, быть может, Н. Бердяевым в «Пути» и тою группою сотрудников «Современных Записок», которая нынѣ заостряет свою дѣятельность на страницах «Новаго Града».

Эмиграція сейчас на переломѣ. Или она начнет очень

быстро перерождаться в лишенное всякаго политическаго значенія бѣженство, или она должна будет еще раз собраться с силами и перелить в новую и единую форму свое культурно-политическое сознаніе, — найти новую тональность своей волевой активности. Для меня ясно, что многообразно-единая форма новаго эмигрантскаго сознанія, может быть нами найдена только при условіи окончательной ликвидаціи — с одной стороны, реакціоннаго эмигрантскаго антибольшевизма (эмигрантщины), с другой — всякаго пореволюціоннаго смѣновѣховства. Опасность эмигрантщины, конечно, много меньше, чѣм опасность смѣновѣховства. Это объясняется уже тѣм, что представителями реакціоннаго антибольшевизма являются в эмиграціи отцы и дѣды. Среди этих эмигрантских «старшин» находится, безспорно, наибольшій процент образованных, культурных и, в масштабѣ прошлаго, значительных людей. Невозможность примѣненія знанія, опыта и образованности этих людей в работѣ преобразованія эмигрантскаго сознанія очень, конечно, печальна. Совершенно очевидна, к слову сказать, прямая связь между психологической реакціонностью эмигрантских отцов и дѣдов и быстрой денационализацией их дѣтей и внуков. И это ясно, — заставить молодежь жить любовью к портрету бабушки, особенно при условіи, что портрет этот так слабо передает живую бабушку, как эмигрантская жизнь Парижа дореволюціонную русскую дѣйствительность — невозможно. Чтобы заставить молодежь интересоваться Россіей, надо вмѣстѣ с нею работать над вопросами современной русской жизни, исходя из круга тѣх интересов, которыми живет в эмиграціи русская молодежь. Русскіе студенты-техники, совершенно глухіе к сказанію о Китеж-градѣ, очень быстро заинтересовываются Россіей, как только рѣчь заходит об индустриализаціи Урала или о побѣдѣ спортивной команды С.С.С.Р. над коммунистической командой Берлина. Это только примѣр, таких примѣров можно было бы подобрать много. Если, указывая на вред эмигрантщины, я все же говорю, что она не так вредна, как смѣновѣховство, то я хочу сказать лишь то, что она может лишь фактически сузить социальную базу эмигрантской активности (превращеніем отцов в тѣневое царство отошедшей Россіи, а дѣтей в иностран-

цев), но она не может заставить ее служить большевизму. Эта, гораздо болѣе страшная опасность, связана со смѣновѣховством, легко и незамѣтно вторгающимся в пореволюціонныя на-строєнія наиболѣе живой эмигрантской молодежи.

6. Пореволюціонное сознаніе и опасность смѣновѣховства

Говоря о смѣновѣховской опасности, грозящей пореволюціонным группировкам, я отнюдь не имѣю в виду того пути, что был сознательно выбран и до конца пройден группою смѣновѣховцев. Вопрос смѣновѣховства, организовавшагося в свое время вокруг журнала «Наканунъ», прост и ясен. Группа эмигрантов, по тѣм или иным причинам, сдалась на милость побѣдителей, перешла в лагерь большевиков. О возможности такого перехода я ни по отношенію к «евразійцам», ни по отношенію к «младороссам», ни по отношенію к «утвержденцам», разумѣется, не думаю. То, что я имѣю в виду, есть нѣчто, гораздо болѣе сложное, гораздо болѣе тонкое и неуловимое... а тѣм самым и гораздо болѣе опасное. Я имѣю в виду опасность зараженія духом противника, которую несет в себѣ всякая страстная борьба. В борьбѣ с большевизмом очень легко обольшевичиться. Для этого достаточно хотя бы только временное согласіе на большевицкіе приемы борьбы. Нейтральных приемов борьбы не существует. За каждую систему приемов стоит мір совершенно опредѣленных ощущеній. Согласіе на большевицкіе приемы есть таким образом, неизбѣжно, и пріятіе в свою душу духа большевизма. Опасность такого безсознательнаго самоотравленія я и называю опасностью смѣновѣховства.

Об опасности зараженія большевицким духом говорилось и писалось в свое время много и в связи с неудачей бѣлаго движенія. Такая опасность бѣлому движенію безусловно грозила. Не подлежит никакому сомнѣнію, что бѣлое движеніе не всегда успѣшно справлялось с нею. Слишком часто оно превращало «ненависть», представляющую собою, по слову Ленина, «основу коммунизма», в единственную основу своей борьбы против Ленина.

И все же говорить о смѣновѣховской опасности по отношенію к бѣлому движенію не приходится. Это объясняется тѣм, что для бѣлаго движенія существовали, в сущности, только большевики, но не существовала идея большевизма. Пореволюціонное сознание увидѣло в большевизмѣ идею. В этом его сила, но в этом же и его уязвимость.

Галлиполиец, так же беспощадно разстрѣливавшій большевика, как большевик-красноармеец бѣлогвардейца, большевиком, конечно, не становился. Младороссы же, ведущіе систематическій обстрѣл сознания и воли эмигрантской молодежи на опредѣленно большевицкій лад, прибѣгающіе к типично большевицким приѣмам агитаціи, к упрощенно-плакатному мышленію, к хлесткой, злой и веселой фразѣ, на добрую половину уже большевики; конечно, націонал-большевики, но это дѣла не мѣняет. Вѣдь, и Сталина многіе начинают считать за націонал-большевика.

В задачу этой статьи не входит анализ отдѣльных пореволюціонных теченій и раскрытіе в них тѣх элементов, которые должны быть поставлены на счет соблазна о большевизмѣ. Скажу только, что ничѣм иным, как дѣйствіем этого соблазна, нельзя объяснить печальной судьбы евразійства. Скат лѣваго евразійства к вульгарнѣйшему ленинизму всѣм памятен. Но не это существенно. Гораздо интереснѣе и симптоматичнѣе то, что с момента отхода от евразійства его лѣвых элементов, оно сразу же потеряло свою социальную-политическую душу и свернулось в клубок культурно-философских и географически-этнографических ученій. Правда, в нѣкоторых талантливых и живых статьях, напечатанных в «Утвержденіях», представители евразійства как будто снова силятся разжечь погасшую в нем общественно-политическую жизнь, но и эти попытки несут на себѣ опредѣленный отпечаток духовно-неблагополучнаго про-большевизма.

Из всего сказаннаго вырастает тревожный вопрос. Как же обезпечить пореволюціонным теченіям чистоту своих ученій и подлинную дѣйственность своей работы?

Отвѣтъ совершенно опредѣленен. Во-первых, — не отрываться от эмиграціи; во-вторых, — не предавать религіознаго смысла свободы.

Всѣ срывы и вывихи глубоко праваго по своему основному устремленію пореволюціоннаго сознанія объясняются несоблюденіем этих двух правил. Внимательное изученіе евразійства, младоросскости, утвержденства и всѣх других пореволюціонных настроеній отчетливо вскрывает тот факт, что, как только эмигрантское, общественно-политическое теченіе отрывается от своей социологической (эмигрантской) базы, оно сразу же подпадает под идеологическое вліяніе большевизма.

Застраховать от этой опасности пореволюціонное эмигрантское теченіе может только твердая вѣра в своеобразную миссію эмиграціи, нѣкій эмигрантскій миссіонизм. При наличіи такой вѣры самая рѣзкая критика эмиграціи будет ей только на пользу. При ея отсутствіи, она будет если и не на пользу, то все же на радость большевикам. Пореволуціонное сознаніе должно, таким образом, твердо стоять на точкѣ зрѣнія, что оно представляет собою не ликвидацию эмигрантской акціи, а, наоборот, начало ея подлинной реализаціи.

Только такая вѣрность своей судьбѣ в силах обезпечить эмигрантским исканіям новаго образа Россіи их единственное значеніе, которое не может заключаться ни в чем ином, кромѣ как в страстной защитѣ свободы, в качествѣ религіознаго центра духовно-культурнаго уклада и общественно-политическаго строя будущей Россіи. Не в отвлеченной выдумкѣ этого уклада и такого строя задача эмиграціи, но в извлеченіи его основной идеи из нѣмых нѣдр подъяремной Россіи. Задача эмигрантской общественности — создать идеологию будущей Россіи. Подъяремная Россія этого сдѣлать не может. Для этого нужен воздух свободы, котораго в катакомбах Россіи нѣтъ. Творческая работа эмиграціи должна соединять в себѣ покорную тонкость слуха со страшною напряженностью мысли. Необходимо прежде всего услышать новую идею Россіи, т.-е. нарождающуюся в ней духовно-душевную реальность. Необходимо, затѣм, ее логически раскрыть, защитить, отстроить и накрѣпко связать с конкретною политической борьбой. Только такое, на вольном эмигрантском воздухѣ свершенное раскрытіе логоса идеи новой Россіи, может дать ту идеологию, которая так необходима для возвращенія духа творческой революціи.

Ф. Степун.